

Имя Николая Олейникова долгое время оставалось неизвестным большинству читателей. Когда в 1960 году рижский литературовед спросил меня, не прислать ли мне стихи Олейникова, я, к стыду своему, ответил, что имя это мне ничего не говорит, но, если он считает, что стихи хорошие, буду благодарен. И я получил целый машинописный том стихов, которые сейчас, слава Богу, изданы и полюбились многим, а тогда были известны только небольшой группе дотошных литературоведов. Стихи были очаровательны. В них соединялось несоединимое, что уже является признаком поэтической самостоятельности, сквозь видимый смех различались невидимые миру слезы. Забавное перемешивалось с жутковатым. Тогда ещё не было термина «чёрный юмор», но некоторые стихи Николая Макаровича подходили под это определение. Сначала его современникам стихи казались только шуточными, со временем в них проявилось вполне серьезное значение.

Поэт написал мало.

² Перепечатывается из сборника «Русские поэты XX век» по представлению его жены Толочко Н.Б.

Олейников Н.М.
16.12.1932 г.

Литературовед Л.Я. Гинзбург³, общавшаяся с Олейниковым, вспоминает, что однажды он сказал:

– Не может быть, чтоб я в самом деле был поэтом. Я редко пишу. А все хорошие писатели – графоманы. Вероятно, я математик.

Математикой он, в самом деле, увлекался. Б.Я. Бухштаб как-то увидел его в читальном зале Публичной библиотеки, обложившегося иностранными книгами по высшей математике. Почему-то поэт смутился и прикрыл их тетрадью.

В стихах же это увлечение преломилось своеобразно:

Приятен вид тетради клетчатой:
В ней нуль могучий помещён,
А рядом нолик искалеченный
Стоит, как маленький лимон.

О вы, нули мои и нолики,
Я вас любил, я вас люблю!
Скорей лечитесь, меланхолики,
Прикосновением к нулю!

Нули – целебные кружочки,
Они врачи и фельдшера,
Без них больной кричит от почки,
А с ними он кричит: «ура».

Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венок,
А лучше нолик положите
На мой печальный бургорок.

(Увы, ни нолика, ни крестика нет на его могиле. И самой могилы нет.) Даже послание к даме он завершает строчками:

Моя новая тематика – // Это вы и математика.

Н. Олейников формально не входил в группу обэриутов, не выступал на вечерах вместе с ними, но сейчас в нашем восприятии он всё равно неразрывно спаян с Н. Заболоцким, Д. Хармсом, по-

³ Гинзбург Л. Николай Олейников. // Человек за письменным столом. – Л., 1989.

тому что они все вместе делали уже упомянутые в предшествующих главах отличные детские журналы «Чиж» и «Ёж». С детства застряла в моей памяти реклама на обложке «Ежа»:

Как портной без иглы, // Как столяр без пилы, //
Как румяный мясник без ножа, // Как трубач без трубы, //
Как избач без избы, – // Вот таков пионер без «Ежа».

Автором этой забавной рекламы был Н. М. Олейников. Впрочем, когда кондитерская фабрика захотела производить конфеты под названием «Ёж» и обратилась к Олейникову с просьбой сочинить подходящий стишок для рекламы, то он немедленно сказал им:

Утром съев конфету «Ёж», // В восемь вечера помрешь.

Конфеты производить не стали.

Одно время ответственным секретарём в «Еже» и «Чиже» работал Ираклий Андроников. Он рассказывал, что его послали туда устраиваться, сообщив, что нужно обратиться к Н. Олейникову или Е. Шварцу. Редакция помещалась на верхнем этаже старого ленинградского дома. Поднимаясь по лестнице, Андроников увидел, как навстречу ему спускаются на руках двое молодых людей. Он удивился, но спросил их, как найти Олейникова или Шварца. Один из них перевернулся, стал на ноги и объявил:

– Я Олейников.

А другой сделал то же самое и отрекомендовался:

– А я Шварц.

Всё в этих редакциях бурлило и пенилось, в них царил атмосфера шуток, розыгрыша, «фольтика», как это называла Т.Г. Габбе.

Одно время ответственным секретарём работала в этих журналах Генриетта Давыдовна Левитина, женщина необычайной красоты. Все мужчины редакции были в неё влюблены и в шутку или всерьёз ссорились из-за неё. Это нашло отражение в стихах Олейникова.

Я влюблён в Генриетту Давыдовну, // А она в меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана, // Мне квитанции, кажется, нет.
Ненавижу я Шварца проклятого, // За которым страдает она.
За него, за умом небогатого, // Замуж хочет, как рыбка, она.

<...>

Он подлец, совратитель, мерзавец,
Ему только бы женщин любить,
А Олейников, скромный красавец,
Продолжает в немилости быть.

Конечно, всё это надо понимать, как «фольтик»: Олейников и Шварц были добрыми друзьями, да и Генриетта Давыдовна не собиралась замуж за Шварца, потому что уже была женой крупного чекиста Домбровского, что не помешало в 1937 году мужу погибнуть, а жене угодить на долгий срок за решётку. Известно, что она выжила, а умерла в 1961 году, успев поработать несколько лет в Детгизе.

В «Молодой гвардии» напечатана повесть Н. Коняева «Дни забытых глухарей»⁴, которая в основном об Олейникове. Автор повести вспоминает стихи Олейникова:

Улица Чайковского, // Кабинет Домбровского,
На столе стоит коньяк, // За столом сидит Маршак.

На основании этих стихов Н. Коняев делает вывод, что Маршак был причастен, пользуясь современной терминологией, к «силовым структурам». Да что взять с этого автора, если он даже отчество Ираклия Луарсабовича Андроникова несколько раз специально перевирает, именуя его «Лауэрсабовичем».

Себя Н. Олейников в некоторых стихах и рассказах, помещённых в упомянутых детских журналах, именовал Макар Свирепый. Был в журнале рисунок с Олейниковым на коне и подписью:

Кто я такой? // Вопрос нелепый.
Я – верховой // Макар Свирепый!

Как и Хармс, Олейников часто использовал разные псевдонимы: Ник. Макаров, Сергей Кравцов, Н. Техноруков и другие. Как утверждает сын поэта А.Н. Олейников, в 1968 году А.Э. Дымшиц, помещая подборку стихотворений Олейникова в «Вопросах литературы», придумал им название «Стихи технорука Н.». Но такого псевдонима у Олейникова никогда не было. Был Н. Техноруков, как я уже сказал. Этот нехитрый приём понадобился А. Дымшицу, чтобы заменить слово «политрук», невозможное по понятиям того времени в таких вот стихах:

Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, политруку,
Я твой изнутри и извне!

Мешают нам наши покровы,
Сорвём их на страх подлецам!

⁴ Коняев Н. «Дни забытых глухарей». Молодая гвардия, 1994, № 11.

Чего нам бояться? Мы внешне здоровы,
А стройностью торсов мы близки к орлам.

Тому, кто живёт, как мудрец-наблюдатель,
Намёки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей – без штанов.

Кстати, Елизавета Исаевна Долуханова, которой посвящены эти фривольные строки, тоже была арестована в 1937 году и погибла в лагере. Так вот жизнь перемежает юмор и реквием. Все эти прекрасные, умные и талантливые женщины, вдохновлявшие Олейникова, погибли.

Проходя однажды по Новодевичьему кладбищу, я вздрогнул, увидев плиту со стихами С.Я. Маршака:

Когда, как чёрная вода, // Лихая, лютая беда //
Была тебе по грудь, // Ты, не склоняя головы.//
Глядела в прорезь синевы // И продолжала путь.

Это была могила Тамары Григорьевны Габбе, тоже участницы редакционных «фольтиков» и адресата некоторых стихов Олейникова:

Возле ягоды морошки // В галерее ботанической//
На короткой цветоножке // Воссиял цветок тропический.//
Это Вы – цветок, Тамара, // А морошка – это я. //
Вы виновница пожара, // Охватившего меня.

Т.Г. Габбе вышла из заключения, но вскоре умерла от тяжёлой болезни.

До преклонных лет дожила Александра Иосифовна Любарская⁵, «Шурочка» многих олейниковских стихов, хотя она тоже побывала в застенках НКВД.

Верный раб твоих велений, // Я влюблён в твои колени //
И в другие части ног – // От бедра и до сапог.//
Хороши твои лодыжки, // И ступни, и шенкеля, //
Твои ножки – шалунишки, // Твои пятки – штемпеля. //
Если их намазать сажеей // И потом к ним приложить //
Небольшой листок бумажный – // Можно оттиск получить. //
Буду эту я бумажку // Регулярно целовать //
И, как белую ромашку, // Буду к сердцу прижимать!

⁵ Любарская А. Хуже, чем ничего. // Нева, 1989, № 1.

Жена Павла Антокольского, актриса Зоя Бажанова, как-то сказала Заболоцкому, что его стихи похожи на стихи капитана Лебядкина. Заболоцкий не обиделся, а ответил, что, видимо, это так и что он считает Лебядкина замечательным поэтом. С этим персонажем «Бесов» Достоевского часто сравнивали и Н.М. Олейникова. Одно стихотворение у него прямо развивает тему капитана Лебядкина. Оно называется «Таракан» и имеет эпиграф «Таракан попал в стакан. Достоевский». Надо сказать, что и цитата неточная, и автором был не совсем Достоевский, а его несколько комический персонаж, уже упомянутый Лебядкин. Правильно стихи Лебядкина звучат так:

Жил на свете таракан, // Таракан от детства, //
А потом попал в стакан, // Полный мухоедства.

Впрочем, история с тараканом восходит к стихотворению И. Мятлева «Фантастическая высказка», откуда, видимо, её взял Ф.М. Достоевский для своего Лебядкина. А у Олейникова стихи начинаются:

Таракан сидит в стакане, // Ножку рыжую сосёт. //
Он попался. Он в капкане. // И теперь он казни ждёт.

Стихи довольно большие по объёму, цитировать их целиком не представляется возможным, но приведу выразительную концовку.

Сторож грубою рукою // Из окна его швырнёт, //
И во двор вниз головою // Наш голубчик упадёт. //
На затоптанной дорожке // Возле самого крыльца //
Будет он, задравши ножки, // Ждать печального конца. //
Его косточки сухие // Будет дождик поливать, //
Его глазки голубые // Будет курица клевать.

У Николая Макаровича очень часто персонажами бывают насекомые, рыбы и прочая живность. У многих на слуху его жалостливые стихи про карася:

Жареная рыбка, // Дорогой карась, //
Где ж ваша улыбка, // Что была вчерась?

Комическое впечатление производит обращение к карасю, да ещё жареному, на «вы». Но в целом это стихи трагические, как и «Таракан». В них тоже смешное перемежается с жутковатыми реалиями. В этих стихах есть что-то от Ф. Кафки (см. его рассказ «Превращение»). В общем, получается причудливая смесь из

Хлебникова, Саши Чёрного и Козьмы Пруткова, а в результате – поэта можно узнать по любой строке.

Л.Я. Гинзбург (см.сноску 3) писала, что одна из масок Олейникова – это намеренная стилистическая какофония. Другая его маска – это натурфилософия, поэт – «служитель науки». Здесь трагестируется исследовательское мышление, абсурд в обложке научных формулировок.

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких и смешных приспособлениях:

О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос.

Хвала тому, кто предложил печать ставить в удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос.

Сын поэта писал, что у Николая Макаровича была серьёзная работа по теории чисел, но она не сохранилась.

О жизни поэта до самого последнего времени мы знали мало. Стихи его переписывались, передавались изустно, а об авторе толком никто ничего не знал. Сейчас мы кое-что знаем. Он родился в станице Каменской Войска Донского (сейчас город Каменск-Шахтинский Ростовской области) 23 июля 1898 года. Закончил четырёхклассное Донецкое окружное училище, потом учился в реальном училище и Каменской учительской семинарии. В дни Октябрьского переворота вошёл в контакт с большевиками, стал красногвардейцем. Офицерский отряд белых отбил на какое-то время станицу, и Олейников был арестован. Его выдал собственный отец, но он сумел бежать, спасался у деда, а потом опять вступил в Красную Армию. В начале 1920-х годов был принят в РКП (б), стал работать в газете «Красный казак». В 1921 году поступил в Ростове в учительский техникум, но его пригласили на работу в газету «Всесоюзная кочегарка» в г. Бахмуте (теперь Артёмовск). В 1923 году там, в Бахмуте, Олейников познакомился с М.Л. Слонимским и Е.Л. Шварцем, с ними вместе создал журнал «Забой», который стал известен далеко за пределами Дона. Ещё через два года поэт переехал в Ленинград, где познакомился с С. Маршаком и К. Чуковским. О первых годах работы Олейникова в Ленинграде К.И. Чуковский⁶ писал: «Его необыкновенный талант проявился во множестве экспромтов и шуточных посланий, которые он писал по разным поводам своим друзьям и знакомым. Стихи казались небрежными, не имевшими литературной ценности. Лишь впоследствии стало ясно, что многие из этих неприятельных

⁶Чуковская Л. В лаборатории редактора. – М., 1963. Чуковский К. Чукоккала. – М., 1979.

стихов – истинные шедевры искусства». Подобные характеристики К.И. Чуковский зря не раздавал: он был не только хорошим детским поэтом, но и серьёзным литературоведом. В 1934 году Н.М. Олейников стал членом Ленинградской писательской организации.

Некоторые его стихи нуждаются в своего рода историческом комментарии. Например, «Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса».

Красавица, прошу тебя, говядины не ешь.

Она в желудке пробивает брешь.

Она в кишках кладёт свои печати.

Её поевши, будешь ты пиццати.

Другое дело: кролики. По калорийности они

Напоминают солнечные дни.

В 1932 году вышло постановление правительства «О кролиководстве в промышленных районах», где предписывалось разводить кроликов при всех предприятиях, организациях, жилконторах, школах (была установка Наркомпроса: по одному гнезду кроликов на двадцать учащихся). Был провозглашён лозунг «В бой за кролика!». Повсеместно превозносились преимущества крольчатины перед мясом крупного рогатого скота. В народе окрестили кроликов «сталинскими бычками». Этому отдал дань в своих стихах и Николай Макарович.

В последние годы жизни творчество Н.М. Олейникова становилось все грустней. В самых забавных стихах вдруг стала появляться страшноватая щемящая нота. Вот баллада «Чревоугодие» неожиданно заканчивается так:

Но сердце застынет, // Увы, навсегда, //

И жёлтая хлынет // Оттуда вода.

И мир повернётся // Другой стороной, //

И в тело вопьётся // Червяк гробовой.

Поэт как бы предчувствует общую печальную судьбу.

Страшно жить на этом свете, // В нём отсутствует уют, – //

Ветер воеет на рассвете, // Волки зайчика грызут. //

Плачет маленький телёнок // Под кинжалом мясника, //

Рыба бедная спросонок // Лезет в сети рыбака. //

Лев рычит во мраке ночи, // Кошка стонет на трубе, //

Жук-буржуй и жук-рабочий // Гибнут в классовой борьбе.

Не полагалось тогда писать такое про классовую борьбу. Да и вообще пессимизм считался уделом враждебных классов. Гибель приближалась.

Лев Разгон⁷, проведший много лет в ГУЛАГе, вспоминает, что новый 1937 год он вместе с женой Оксаной, дочерью видного тогда чекиста Глеба Бокия, встречал в Кремле у Осинских. Там блистал Ираклий Андроников, читал свои стихи Николай Олейников. Пели старые тюремные песни, считая, что это далёкое прошлое, и не догадываясь, что это их ближайшее будущее. Летом 1937 года Олейников уехал на дачу, но в ночь на 3 июля остался по редакционным делам в Ленинграде. Ночью за ним пришли. Ираклий Андроников приехал по делам из Москвы и рано вышел из дому. Смотрит, идет Олейников. Он крикнул: «Коля, ты куда так рано?» И только тогда заметил, что Олейников не один, что по бокам его два ражих молодца. Николай Макарович оглянулся. Ухмыльнулся. И всё...

Свидетельство о смерти поэта в 1942 году от «возвратного тифа» – ложь. Сейчас установлено, что он был расстрелян 24 сентября 1937 года.

В 1988 году в Доме литераторов состоялся вечер памяти Н.М. Олейникова. Здесь были впервые сказаны слова о философском аспекте его стихов. «В нём чувствовалось беспощадное знание жизни», – писал о Николае Макаровиче В.А. Каверин в своём «Вечернем дне».

Закончить же очерк будет уместно словами писателя И. Рахтанова (из его книги «Рассказы по памяти»): «Казалось бы, всё умерло, всё убито, давно нет Олейникова, но слово его живёт, оно и сегодня может обрадовать читателя, как в тот первый миг, когда впервые легло на бумагу».

Екатеринбург

⁷ Разгон Л. Непридуманное. // Юность. 1988, № 5.